

**ОТЗЫВ официального оппонента**  
**на диссертацию на соискание ученой степени**  
**кандидата филологических наук Ван Люян**  
**на тему: «Личность и творчество Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: тактика**  
**самопрезентации и стратегии творческого поведения»**  
**по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов**  
**Российской Федерации**

Творчество Л. Д. Зиновьевой-Аннибал не раз становилось объектом исследования отечественных и зарубежных филологов, ему посвящены несколько диссертаций, и надо сразу сказать, что Ван Люян крайне тщательно и добросовестно изучила работы своих предшественников, корректно цитирует их в диссертации и внимательно, со знанием дела полемизирует с ними. И несмотря на разнообразие исследовательских позиций, Ван Люян удалось найти важный, неразработанный прежде аспект в изучении творческой деятельности этой яркой, талантливой писательницы Серебряного века. **Актуальность** диссертации Ван Люян определяется исследованием образа Л. Д. Зиновьевой-Аннибал в контексте творческого развития и путей реализации других писательниц и поэтесс эпохи символизма, а также осуществленной в диссертации попыткой нового обоснования продуктивной роли женского фактора, женской субъектности в развитии культуры данного времени. Эти же обстоятельства определяют **новизну** работы Ван Люян, в которой впервые исследуется динамика творческого становления и развития Зиновьевой-Аннибал с целью определения ее художественной – поведенческой – стратегии, реализованной писательницей во многом вопреки сложившейся культурной традиции и привычным ожиданиям художественно-артистической среды начала XX века. Ван Люян прекрасно показывает этапы творческого развития Зиновьевой-Аннибал и особо акцентирует моменты ее расхождения с символистской доктриной Вяч. Иванова, произрастающие словно бы изнутри тактики видимого схождения, согласия и подчинения,

которую принято усматривать в ее жизнедеятельности как «музы» поэта, вождя и идеолога символизма. По убеждению Ван Люян, «жизнетворчество Зиновьевой-Аннибал прошло путь от имитации до выхода из символистской эстетики» (с. 38), и чтобы доказать этот тезис, сформулированный в первой главе работы, диссертантка применяет разнообразные исследовательские стратегии: воссоздание философско-эстетического контекста дионисийства Вяч. Иванова, сопоставление творческого развития и путей личностной реализации различных женщин Серебряного века, применение гендерного подхода для уточнения своеобразия индивидуальной позиции Зиновьевой-Аннибал, попытка психоаналитического анализа ее личности через призму идей Ж. Лакана и З. Фрейда, наконец, различные методы литературоведческого анализа, включая обращение к интертекстуальности, мотивный, жанровый анализ и др. Многообразие использованных методик обеспечивает достоверность диссертационного исследования и его научную обоснованность.

Первая глава диссертации посвящена рассмотрению разнообразных источников дионисийской философии Вяч. Иванова, путям его как личного, так и идейного влияния на окружение, включая главным образом Зиновьеву-Аннибал, ставшую не только его женой, но и единомышленницей, воплощенницей идей «мэтра» и, на первых порах, ученицей. Диссертантка справедливо устанавливает связи между дионисийской концепцией Иванова и философией трагедии Ф. Ницше. Как известно, Вяч. Иванов познакомился с произведениями Ницше еще в 1891 г. и во многом под его влиянием обратился к изучению культов Диониса в древности. Ван Люян справедливо пишет о том, что именно на основе «примирения идей Ницше и Соловьева» «возникло христианско-дионисийское мировоззрение» Иванова, в свете которого он и воспринял явление Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, ставшей для него вестницей новой жизнепреобразующей религии.

Безусловным достоинством данной диссертации является уже упомянутое выше сопоставление личности Зиновьевой-Аннибал и других

женщин-кумиров символистской эпохи, конкретно – Зинаиды Гиппиус и Нины Петровской. Но, по сути, объектом внимания в диссертации является весь женский круг символизма; благодаря этому, на фоне неординарных дарований современниц, ярче выделяется своеобразие Зиновьевой-Аннибал. Ван Люян, отчасти вслед за своей научной руководительницей, но в то же время вполне самостоятельно и уверенно проводит мысль о том, что даже в эстетике символизма, казалось бы, активно рвавшего связи с идеями и ценностями классической культуры, была принята «патриархатная система», удерживавшая «женское творчество в маргинальном статусе». «...В символистском дискурсе женщинам отводилась роль вдохновительниц, мечтательниц, богинь и т. п.» (с. 31), но не самостоятельных субъектов. Примеры З. Гиппиус и Н. Петровской демонстрируют две противоположные творческие стратегии женщин этого круга, однако ни та, ни другая не могли устроить Зиновьеву-Аннибал – она сформировала свою позицию, хотя произошло это далеко не сразу. На протяжении первой главы диссертантка раскрывает сложный путь подруги и музы Вяч. Иванова – ее движение от роли Менады и Диотимы, транслирующей идеи мужа, к самостоятельной личности, наделенной свободой воли и творчества, осознающей ценность своего пола и начинающей любить себя и свой пол. «Соединение свободы, творчества и любви становится стержнем жизненного поведения Зиновьевой-Аннибал» (с. 44), – пишет Ван Люян, подчеркивая вместе с тем, что обретение своего творческого голоса Зиновьевой-Аннибал состоялось, тем не менее, «в сфере ивановских интересов».

Исследовательница, таким образом, решает крайне непростую задачу: она показывает, как происходил процесс автономизации писательской личности супруги Вяч. Иванова, не отказывавшейся от роли вдохновительницы и музы, но исподволь нарушающей гендерные заповеди эпохи, обретающей себя уже не в «зеркале» символистских идей, а в отталкивании от них, в прочерчивании своей оригинальной если не жизненной,

то творчески-художественной стратегии личностной и писательской реализации.

В пьесе «Кольца» сопротивление автора «заданным правилам» дионисийской соборности еще только «угадываемое», но уже здесь, подчеркивает диссертантка, возникает сомнение читателя в идеологической достоверности прокламируемых «мэтром символизма» идей, вроде бы и поддержанных его мудрой Диотимой, но не до конца осуществленных в сюжетном действии драмы. «Пафосно-трагедийное разрешение конфликта не позволяет читателю уверовать в однозначно оптимистический финал», – так звучит промежуточный вывод исследовательницы. Далее Ван Люян последовательно проводит идею «несогласия» через все произведения Зиновьевой-Аннибал. В повести «Тридцать три уroda», по ее мнению (с которым нельзя не согласиться) звучит «мрачное пророчество о гибельности проводимых на Башне экспериментов». Пьеса «Певучий осел» развенчивает «все высокие философские построения Иванова», превращая их в пародию. Наконец, в рассказах, составивших цикл «Трагический зверинец», писательница заявляет «о себе как о творческой личности, обретшей женскую идентичность, освободившуюся от мужского доминирования» (с. 50–52). Все подобного рода утверждения диссертантки подкреплены анализом текстов произведений Зиновьевой-Аннибал, заполняющим вторую и третью главы работы.

По мере движения анализа по этапам творческого развития писательницы «перо» самой Ван Люян становится более уверенным и доказательным. Исследовательнице удалось вскрыть и показать «внутреннюю дискуссионность», диалогичность произведений писательницы. В повести «Тридцать три уroda» она распутывает сложный клубок взаимодействий и взаимоотражений жизни самой Зиновьевой-Аннибал, протекавшей в атмосфере напряженных эротических манифестаций Вяч. Иванова и круга его «башенных» сторонников, – и ее героинь, также захваченных дионисийскими страстями и страданиями. Анализ повествовательной структуры повести в

соотнесении с концепцией М. М. Бахтина позволил диссертантке представить новую интерпретацию произведения и сделать продуктивные выводы относительно его смыслового пространства: «Запрограммированная» автором «тройственность» делает повествование еще более многоуровневым, позволяет автору-героине как бы наблюдать за собой, видеть себя глазами Другого» (с. 99).

Переходя к анализу пьесы «Певучий осел», Ван Люян совершенно справедливо оценивает значение и роль этого произведения в эволюции писательницы: «Если повесть «Тридцать три уroda» обозначила поворот в мышлении писательницы, то пьесу «Певучий осел» можно считать прямой пародией на дионисийскую мифогенную любовь и отрицание восхождение к вершинам духа путем экстаической любви к другому» (с. 102). Она осуществляет целостный анализ пьесы, высвечивая ее мифогенный, интертекстуальный, пародийный контексты, и через связь текста с жизнью Ивановской «Башни» показывает этапное движение автора к освобождению от соборно-дионисийской эротической утопии. Подлинным обретением творческой индивидуальности Зиновьевой-Аннибал Ван Люань справедливо считает циклы рассказов «Трагический зверинец» и «Нет!». В диссертации подчеркивается новизна образа ребенка, представленного Зиновьевой-Аннибал – существа греховного, амбивалентного в своих устремлениях, способного осознанно творить зло, и устанавливается линия преемственности писательницы с Достоевским. Хотелось бы добавить, что образ «злого мальчика» (правда, не девочки) в литературе рубежа веков встречается не один раз, и, вероятно, стоило повнимательнее присмотреться к творчеству одного из современников Зиновьевой – Ф. Сологубу, чьи образы детей также были достаточно разнообразными. Добавлю также, что демонизм детской натуры в «Трагическом зверинце» имеет безусловную связь с дионисизмом и может быть понят как инвертированная форма его воплощения в ребенке.

О своеобразии «женского» преломления дионисийского импульса диссертантка говорит в третьей главе своей работы, где дан блестящий анализ

природных образов в творчестве Зиновьевой-Аннибал. Впервые столь внимательно проанализированы пространственные локусы в произведениях писательницы, мифология имен, символика растений и животных, так что сделанные в этой главе наблюдения и выводы исследовательницы качественно дополняют анализ произведений предыдущих глав. Диссертантка выявляет процесс трансформации дионисийской образности в текстах Зиновьевой-Аннибал, обозначенный ею как процесс «феминизации» мифа о Дионисе, и приходит к выводу о формировании в повестях писательницы новой женской манеры письма, «уже далекой от символизма и приближающейся к неореализму», которая будет развиваться далее в XX веке.

Работа Ван Люян открывает новые грани творчества женщины, сыгравшей очень важную роль в существовании и развитии русского символизма, и позволяет говорить о неоднородности этого направления даже в среде ближайших сторонников Вяч. Иванова как центральной фигуры в символизме начала XX в. Тем не менее, у меня возникло несколько вопросов и замечаний по диссертации.

1. Даже не вопрос, а, скорее, дополнение по содержанию первой главы, где прочерчены ницшеанские истоки дионисийской концепции Вяч. Иванова. Хотелось бы заметить, что «русский Ницше» приходит к отечественной интеллигенции отнюдь не с работой Вл. Соловьева «Идея сверхчеловека» (1899), как пишет диссертантка, а несколько раньше: с появлением в журнале «Вопросы философии и психологии» (1892) статьи В. Преображенского о «нравственной доктрине» Ницше и в этом же журнале несколько позже (1893) – еще ряда статей с критикой «аморализма» этого философа. Можно согласиться с Ван Люян, что русское общество в 1890-е гг. воспринимало Ницше как проповедника декадентства и этического нигилизма. Однако уже в ту пору на страницы русской печати проникает и другой образ Ницше – как носителя идей новой эстетики, связанной с образами Аполлона и Диониса: об этом пишет в журнале «Северный вестник» А. Л. Волынский (1896), его поддерживает своими статьями З. Венгерова. Именно отсюда начинается

востребованная эстетическим крылом русского символизма, и в первую очередь Вяч. Ивановым, линия рецепции Ницше как творца новой религии Диониса, а не только как создателя учения о сверхчеловеке и ниспровергателя ценностей. Конечно, это не умаляет контекстный анализ, проданный Ван Люян, и справедливость ее параллелей между Ивановым и Вл. Соловьевым.

2. Не очень понятна суть спора с Ж. Лаканом и смысл проецирования его «общечеловеческого» анализа на женскую идентичность. Лакан, что характерно, трактуется Ван Люян «по» И. Жеребкиной и, отчасти, англ. исследовательнице Беттерсбай, с опорой на работу Лакана «Стадия зеркала». В этой работе не идет речи о женщине, и ставя на одну доску ребенка и женщину, как мне представляется, мы идем на поводу традиционного патерналистского подхода. Возможно, следовало привлечь другие работы Лакана, в частности, «Имена отца», где четко дана модель психической структуры личности. «Субъект должен добиться признания своего желания со стороны себе подобных, то есть выразить его в символической форме», – пишет Лакан; это означает «признание реальности своей собственной». Мне думается, именно так действовала Зиновьева-Аннибал – через посредство письма (играющего здесь символическую роль) она добивалась признания своей реальности, своих собственных желаний – в первую очередь для себя, а потом для других.

3. Теоретический вопрос: как понимает диссертантка «стратегию творческого поведения», можно ли называть ее просто «творческой стратегией» или нет, в чем отличие этой категории от понятий «творческое развитие», «эволюция» и пр.

4. «Простой» вопрос: почему Аглая («Кольца») хромает? Возможно, ответ на него дан в какой-либо работе предшественников Ван Люян, но он важен.

Указанные замечания не снижают значимости диссертационного исследования. Диссертация Ван Люян «Личность и творчество Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: тактика самопрезентации и стратегии творческого

поведения» является самостоятельным завершённым исследованием стратегий творческого поведения Л. Д. Зиновьевой-Аннибал и отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.1. – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова. Содержание автореферата и опубликованных статей соответствует тексту диссертации.

Таким образом, соискатель Ван Люян заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации».

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук, профессор,  
зав. центром истории литературы ФГБУН «Институт Истории и археологии  
Уральского отделения Российской академии наук»  
Созина Елена Константиновна  
15.04.2025.

Специальность, по которой официальным оппонентом  
защищена диссертация: 10.01.01– Русская литература

Адрес места работы:

620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт  
истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

Телефон: (343) 374-53-40; [ia-history@mail.ru](mailto:ia-history@mail.ru)